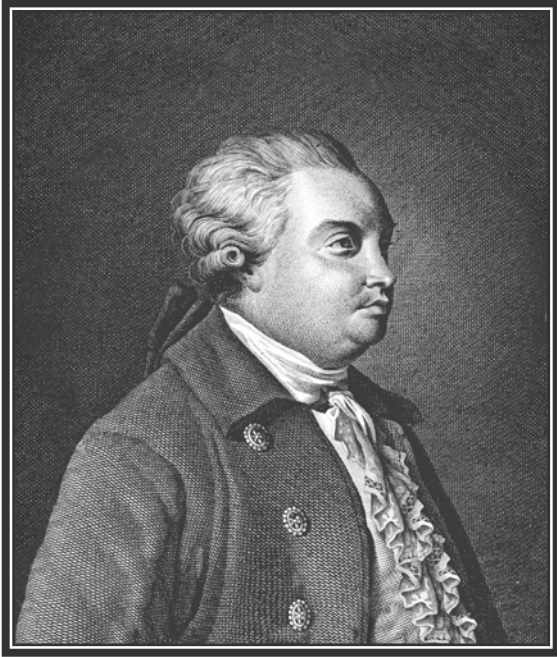

ФОНВИЗИН ДЕНИС ИВАНОВИЧ

*Польза своих сограждан и чувство
их признательности за труды,
бескорыстно для них подъемлемые,
есть достойная награда всем
подвигам граждан благомыслящих.*

Д.И.Фонвизин

Участие писателей в составлении Словаря Академии Российской было естественным и закономерным. Ведь именно писатели отличаются не только обостренным чувством родного языка, ощущают его богатейшие содержательные, познавательные и поэтические возможности, но им, как никому другому, что особо подчеркивал Лев Николаевич Толстой, была понятна и доступна «красота выражения жизни в слове»¹. И кто лучше самих писателей мог в Словаре языка российского раскрыть, показать и донести эту красоту до сознания соотечественников...

Неудивительно, что одним из первых к работе над Академическим Словарем привлекается Денис Иванович Фонвизин (1745—1792), видный литературный деятель, к тому времени уже получивший известность как переводчик и поэт-сатирик и прославившийся как драматург.

В его переводе с немецкого еще в 1761 г. выходят «Басни нравоучительные» датского писателя Л.Голдберга (2-е доп. изд. — 1765). Затем он переводит с французского романы Ж.Террасона «Геройская добродетель, или Жизнь Сифа, царя Египетского» (4 ч. — 1762—1768) и Ж.Ж.Бартеlemi «Любовь Кариты и Полидора» (1763), повесть А.В.Арно «Сидней и Силли, или Благодеяние и благодарность» (1769), прозаическую поэму П.Ж.Битобе «Иосиф» (1769) и др., не считая мелких переводов, регулярно появлявшихся в журналах.

¹ Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 20 т. Т. 15. — М., 1964. С. 11.

Широкое хождение в списках получила басня Фонвизина «Лисица-казнодей» (проповедник), написанная в начале 60-х годов, изобличавшая «низку тварь», тех «подлых скотов», что из корысти льстят «знатному скоту». В 1769 г. появляется его знаменитое «Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке», где на извечный вопрос: «...на что сей создан свет?» — свой ответ пытаются дать «дядька»-воспитатель Фонвизина (его «наставник и учитель»), конюх и парикмахер. В их глазах окружающий мир предстает до того несовершенным, что заданный писателем вопрос звучит как приговор человечеству, так и не сумевшему осознать смысл своего бытия, понять, зачем оно понадобилось Богу,

*На что сотворены медведь, сова, лягушка?
На что сотворены и Ванька, и Петрушка?*

Завершенная в том же, 1769 г., комедия «Бригадир» (поставлена в 1770 г.) возносит Фонвизина на вершину отечественного литературного Олимпа (написанная ранее комедия «Корион» (1764) осталась незамеченной). А «Недоросль» (1781; поставлена в 1782 г.; опубликована в 1783 г.) утверждает его первенство среди наших драматургов.

Кроме того, Фонвизин активно, с самого первого номера, сотрудничал в «Собеседнике любителей русского слова» — журнале, объединившем вокруг себя лучшие литературные силы страны и ставшим как бы предтечей Российской Академии, ее, можно сказать, стартовой площадкой. Именно развернувшаяся на его страницах полемика о выразительности русского языка, многозначности слова и художественных особенностях произведений отечественной литературы, вызванная публикацией не каких-то серых, посредственных, а исключительно, как было заявлено в предуведомлении об издании журнала, «хороших российских сочинений», в очередной раз заострила вопрос о необустроенности нашего языка, его грамматической неупорядоченности. Стала очевидной необходимость создания специального учреждения, главной заботой которого были бы «красота и богатство русского языка», во многом страдавшие от того, что у нас не было «ни установленных правил, ни словарей, вследствие чего нам приходилось употреблять иностранные термины и слова, между тем как соответствующие им русские выражения были гораздо сильнее и ярче»². Таковым учреждением и явится Российская Академия, которую возглавила президент Императорской Академии наук Е.Р.Дашкова³. И первоочередным делом новой Академии становится «сочинение» русской грамматики и Словаря русского языка.

Фонвизин был членом Российской Академии со дня ее открытия — 21 октября 1783 г. Его подпись стоит под Протоколом самого первого, учредительного, ее заседания⁴. И практически сразу его привлекают к работе над Словарем. И не просто, а в качестве руководителя «особливого отдела для начертания правил и порядка в сочинении Российского Словаря», который затем получает наименование: «Отряд Начертания к составлению полного Толкового словено-русского словаря»⁵. И возглавляет он этот Отряд не случайно.

В конце 70-х — начале 80-х гг. Фонвизин принимает участие в создании русско-французского словаря, за основу которого был взят большой словарь Французской Академии. Первое «Известие» о подготовке у нас такого словаря появилось в феврале 1778 г., где отмечалось, что «переводчики взяли на себя труд перевести все слова французские, находящиеся в оном [Словаре Французской Академии. — А.К.], и

² Дашкова Е.Р. Записки. 1743–1810. —Л., 1985. С. 153.

³ См.: Лозинская Л.Я. Во главе двух академий. Изд. 2-е, испр. и доп. —М., 1983.

⁴ Некрасов С.М. Российская Академия. —М., 1984. С. 23.

⁵ Там же. С. 70, 72.

к ним приобщили все фразы, кои им показались нужными для изъяснения различных оттениваний смысла и для означения разных образов, которыми сии слова на российский могут быть переведены»⁶. В 1786 г. этот словарь был опубликован с характерным для того времени названием: «Полный французский лексикон, с последнего издания французского лексикона Французской Академии на российский язык переведенный собранием ученых людей».

В мае и августе 1783 г., буквально накануне создания Российской Академии, «Собеседник любителей российского слова» в двух номерах (ч. I и IV) начинает печатать фонвизинский «Опыт Российского сословника» (окончание — в X ч.) — первый отечественный словарь синонимов, помещая замечания на него уже во второй части и ответ Фонвизина — в третьей.

Таким образом, «Отряд», который должен был создать «Начертание к составлению полного Толкового словено-российского словаря» и «порядка в сочинении» оногo, возглавил не просто крупнейший писатель, а, в известной мере, специалист-филолог, имевший определенный опыт словарной работы и в «изъяснении различных оттениваний смысла» слов, и в «означении» разных словесных «образов», и в подборе «сословов» (синонимов). Именно этот опыт позволил Фонвизину в завидно короткие сроки исполнить поручение и за двадцать дней подготовить подробное «Начертание для составления Толкового словаря словено-российского языка», с которым он и выступил на заседании Академии 11 ноября 1783 г.

«Начертание» состояло из небольшой преамбулы и четырех «статей» (разделов)⁷. «Толковый словарь словено-российского языка, — говорилось в преамбуле, — должен содержать в себе по алфавиту, порядком этимологическим, все известные словено-российского языка слова и речения, с истолкованием оных употребления и знаменования.

Из сего явствует, что в составлении Толкового словаря надлежит принять во уважение: 1-е, выбор слов и речений; 2-е, грамматическое оных употребление; 3-е, объяснение их знаменования; 4-е, порядок алфавитный».

О том, что нужно конкретно «принимать во уважение», и говорилось в соответствующих «статьях».

Первая «статья» — «О выборе слов и речений» — была посвящена составу Словаря. Она примечательна тем, что, в отличие от наших инструкций-«начертаний» к составлению словарей, в ней говорится не о том, что нужно включать в Словарь, а перечислялись те «слова и речения», что «не должны иметь в Словаре места». Это — «собственные имена людей, городов, морей и проч.», узкопрофессиональная лексика, термины, кои «одним только ученым, художникам и ремесленникам ведомы», «все неблагопристойные слова и речения», небрусевшие, малоупотребительные иностранные слова, «чтоб объяснение их в российском словаре необходимо было нужно», «провинциальные слова и речения... неизвестные в столицах», т.е. диалектизмы, за исключением тех, «кои силою и красотою могут служить к обогащению российского языка», «все *длинные* пословицы и присловицы, ибо оные особливый словарь составить могут».

При выборе слов и речений, считает Фонвизин, исходным должно быть «*московское наречие*», которое «не токмо для важности столичного города, но и для своей отменной красоты прочим справедливо предпочитается», ссылаясь при этом на «Граматику» М.В.Ломоносова.

Во второй «статье» — «О грамматическом словоупотреблении» — говорилось о том, какое написание слов нужно брать за основу, где приоритетным признавалось такое, «каковым пишется в церковных книгах и у лучших наших писателей». Сохранение такого «правописания» необходимо потому, разъясняет

⁶ Санкт-Петербургский вестник, 1778. Февраль.

⁷ Фонвизин Д.И. Собрание сочинений: В 2 т. Т. 1. — М.-Л., 1959. С. 240–246. Далее цитируется это издание.

Фонвизин, что есть немало слов, которые одинаково произносятся, но имеют разное «знаменованье» (значение) «и только по правописанию распознаются». В качестве примера он приводит слово *мир*: когда оно «пишется через *ми*, значит тишину; когда пишется через *мі*, значит вселенную; когда пишется через *му*, значит масть благоуханную» — наглядный, нестареющий урок того, как надо бережно относиться к написанию слов, чтобы не допускать ненужной двойственности в их понимании. Подчеркивается необходимость ставить везде ударение, так как только оно позволяет указать на различное значение слов, имеющих одно написание, например: *полон* и *пóлон*, *мука* и *му́ка* и т.д., а также необходимость ставить «обыкновенную скобку» над *й*, «дабы *мой* не произноситься, как *мои*».

Этой же «статьей» предписывалось при каждом слове «означать, какую часть речи оно составляет», и затем подробно расписывалось, что нужно отмечать при существительных, прилагательных, местоимениях, глаголах, наречиях, предлогах, междометиях, союзах: род, число, падеж, степень, лицо, залог и т.д. в соответствии с принадлежностью слова к той или иной части речи, а также указывать, «славянское ли оно, например, *вещати*; или российское, например, *говорить*», а «буде слово чужестранное, то какое, например: *аминь* еврейское, *философия* греческое, *карандаш* татарское и проч.»

Третья «статья» — «О знаменовании слов и речений» — посвящалась тому, как и какие объяснения нужно давать включенным в Словарь словам и речениям со всеми их синонимами («сословами»). При этом, кроме собственного значения слов, необходимо отмечать и метафорическое, фигуральное их значение, например, слово *ослепление*, — а также многозначность, например, *скорбь*: оно означает и «телесную болезнь», и «страдания души».

Особо подчеркивалось, что объяснять, истолковывать слово «необходимо таким словом, которого никогда объяснять не надлежит [т.е. само это слово объяснять не надо. — А.К.], ибо иначе объяснения составили бы круг, в котором одно слово было бы толкуемо другим, коему оно само равным же образом служило бы толкованием». Отмечает Фонвизин и слова, что невозможно объяснить при помощи других слов, например: *душа*, *бытие*, *пространство*, *время*. Объяснение же, пишет он, «надлежит сделать... внятно, точно и сколь возможно кратко, ибо тут краткость помогает ясности... Не краткость темноту производит, но худой выбор в идеях и худой в оных порядок».

В этой же «статье» разъясняется и структура этимологического словаря, каковым, по убеждению Фонвизина, и должен быть Толковый словарь словено-российского языка. «В порядке этимологическом, — пишет он, — следующее наблюдать надлежит:

Коренное слово имеет первое место и отличается большими буквами. За ним его производные с своими сложными. За ними сложные с своими производными, за коими следуют их сложные, и так далее, до тех пор пока все от коренного происходящие и сложные слова помещены будут...».

И здесь же следует оригинальное предложение, чего не было ни в одном известном на то время словаре: чтобы легче было находить нужные слова, а не только коренные, следует дать «таблицу аналогическую, т.е. список всех находящихся в словаре слов и речений по алфавиту, с означением листов, на которых в словаре каждое слово отыскать можно», — иначе говоря, дополнить гнездовой по своей природе этимологический словарь алфавитным указателем всех слов и речений, упоминаемых при толковании самих гнезд, не отказываясь от алфавитного гнездового — по «коренным словам» — оглавления каждого тома.

В четвертой «статье» — «О порядке алфавитном» — говорилось о том, как располагать слова, какая должна быть последовательность в объяснении их «знаменований»: сначала в собственном, затем в метафорическом их значении и т.д. Здесь же приводился список необходимых сокращений, «например: *сущ.* значить будет существительное, *действ.* — действительное» и т.д., и обосновывалась необходимость

«четырёх шрифтов»: «...один крупный, для коренных слов; другой мельче, для повторения слов в новых строках; третий ещё мельче, для грамматических примечаний, для сослов и объяснений; четвертый — курсив, для пословиц, присловиц, разных выражений и примеров».

К «Начертанию» прилагался и разработанный Фонвизиним «Способ, коим работа Толкового словаря словено-российского языка скорее и удобнее производиться может»⁸.

Фонвизин считал, что для такой работы подходит сравнительно небольшой, как бы мы сейчас сказали, коллектив, состоящий всего из пятнадцати членов Академии. Разделив поровну между собой печатные и рукописные источники: отечественные словари и лексиконы, книги церковные, сочинения «лучших наших писателей», летописи, журналы и т.д., — каждый из них выписывает оттуда в аналогическом порядке по алфавиту все слова и речения, «кои достойны иметь в словаре место». И не просто выписывает, а «с означением книжной страницы», откуда все те слова и речения взяты. Составленный таким образом словарь, считает Фонвизин, «содержал бы в себе действительно истинные сокровища нашего языка». Из собранных «15 особами» слов и речений составляется единый в алфавитном порядке список, который печатается в 100 экземплярах и раздается другим членам Академии для дополнений. Затем формируется обобщенный словник — «аналогическая таблица», которую «помянутые 15 особ разделяют между собою» также поровну, учитывая количество слов и речений, выпадающих на ту или иную букву, «дабы из оной [таблицы. — А.К.] составить порядок этимологический». Тут же следует предупреждение: «В разделении букв наблюдаться должно то только, чтоб двое не взяли одинаковой буквы, ибо здесь двойная работа была бы совершенно бесполезна».

После того как все слова и речения будут распределены по «кустам» во главе с «коренными словами», т.е. будет реализована первая «статья» «Начертания», те же «пятнадцать особ, — пишет Фонвизин, — разделят между собою обработку каждого слова и речения на три части следующим образом: пять человек отделяются для исполнения по второй статье «Начертания», и сей отдел называться будет *Грамматикальным*; пять человек, исполняющие предписанное третьею статьею «Начертания», будут составлять *Отдел объясняющий*; наконец, пять человек, исполняющие четвертую статью «Начертания», составят *Отдел издателей*».

Одобрив «Начертание» и «Способ» его реализации, члены Академии энергично принялись за работу. Однако неожиданно для всех 30 января 1784 г. с «Примечаниями» на «Начертание» выступил член Академии историк И.Н.Болтин. Он предложил исключить из «Начертания» первый параграф первой его «статьи» и ввести в Словарь собственные имена, включая «уменьшительные» и «увеличительные», например: *Иван, Ванька, Иоанн*, а также названия государств, столиц, знатнейших городов, — и отказаться от этимологического принципа в пользу аналогического на том основании, что предлагаемая Фонвизиним в качестве дополнения «аналогическая таблица» якобы представляет собой ещё один словарь.

Присутствовавшие на заседании академики согласились с предложениями и «резонами» Болтина. Нависла угроза безразмерности Словаря и затягивания работы над ним на неопределенный срок. Фонвизин в это время болел и не мог принять участие в обсуждении «Примечаний» и свои возражения высказал в письме О.П.Козодавлеву⁹.

Он писал, что «собственные имена отнюдь не составляют существа языка», а «уменьшительные» и «увеличительные» ещё меньше, к тому же, «если собственные имена в Словарь принимать», а прини-

⁸ Фонвизин Д.И. Собрание сочинений... С. 248–251.

⁹ Там же. С. 252–259.

мать тогда надо абсолютно все, включая и «приветственные» и «уничжительные» — *Петрушка*, *Ванюшка*, *Марфутка* и т.д., то такое, по сути, «бесплодное приращение Словаря, простираясь еще на несколько фолиантов, отдалило бы благополучное оногo окончание на бесконечные веки». Единственное, что он допускает, это возможность включения в Словарь отдельных имен и то исключительно в метафорическом значении, например: *Нерон* как обозначение «лютого тирана», *Тит* — «государя милосердного», *Сарданпал* — «тирана сладострастного», *Зоил* — «злобного и презрительного критика», *Катилина* — «высокомерного врага отечеству», полагая, что со временем и имя *Екатерина* будет «знаменоватъ премудрую монархию».

Что касается географических названий, то они, также не «составляя существа словено-российского языка», могут иметь место в специальном географическом словаре. И хотя Болтин справедливо замечает, что «знание положения земель весьма полезно», но из этого не следует, возражает ему Фонвизин, необходимость того, «чтоб в географию заехала грамматика, а в грамматику география... всякая вещь должна быть в своем месте».

Отстаивая логичность и естественность предлагаемой им в «Начертании» структуры Словаря, Фонвизин замечает, что «таблица аналогическая... не есть второй словарь, но есть истинное и полезное... оглавление нашего Толкового словаря». И добавляет: «Впрочем, я то знаю, что из словаря *этимологического* шестьдесят подъячих в один год сделают словарь *аналогический*, а из словаря *аналогического* шестьдесят членов Российской Академии ни в пять лет не сделают словаря *этимологического*». Надо сказать, что прогноз Фонвизина относительно сроков составления этимологического Словаря на базе аналогической таблицы оказался точен: на это у членов Академии ушло более десяти лет...

Замечания Фонвизина на «Примечания» Болтина были учтены, все предложения историка отвергнуты, и 12 марта 1784 г. на заседании Академии окончательно восторжествовала точка зрения Фонвизина. Его «Начертание для составления Толкового словаря словено-российского языка» и «Способ, коим работа Толкового словаря словено-российского языка скорее и удобнее производиться может», отныне и, можно сказать, бесповоротно становятся основными пособиями в «сочинении» Академического Словаря.

Фонвизин четко определил параметры, границы, структуру, состав и содержание Толкового словаря словено-российского языка, отметил и обосновал, какие слова и речения не могут входить в него, детально расписал все, что должна включать в себя каждая словарная статья, а также саму последовательность работы как над Словарем в целом, так и над каждой словарной статьей, очертив не только фронт и объем предстоящих работ, но и составив, по сути, подробнейшую инструкцию — «Начертание» по составлению Словаря и методику — «Способ» работы над ним, благодаря чему академики получили надежные инструменты, с помощью которых и создали Словарь Академии Российской.

Заслугу в этом Фонвизина трудно переоценить. Замечательный писатель, публицист, общественный деятель, он был еще и выдающимся филологом, сыграв поистине ведущую роль в создании труда, который обозначил эпоху в отечественном языкознании и лексикографии, стал величественным памятником нашей словесности и культуры XVIII в., обессмертив имя Российской Академии.

А.С.Курилов